

Глава 2

Прогулка в парке

Тысячу раз в течение последовавшей недели я прокручивал заново в уме все события того утра, восстанавливая каждое слово, сказанное незнакомцем и свои наблюдения. Мысль о том, что это мог быть Апостол Иоанн, становилась уже проходящей фантазией, с единственной противоречащей зацепкой, в форме необычного подмигивания, которое, не только оказалось на удивление своевременным, но и пробирало до глубины души.

Но как Апостол Иоанн мог быть до сих пор живым в возрасте 2000 лет? А может быть, это было чудо, равное тому, как Моисей и Илия преобразились в явление Иисуса Христа? Даже если так, мог ли он читать мои мысли и просто так исчезнуть в никуда?

Я даже перечитал загадочные слова Спасителя, которыми он ответил Петру о том, что ожидало Иоанна. Но там он просто предсказывал, что настанет день, когда самого Петра поведут на смерть за то, что он последует за Господом. Обеспокоенный таким пророчеством, и, возможно, потрясенный сказанным Петр, обернувшись, указал на Иоанна – а что он? Ответ озадачил всех: «... если Я хочу, чтобы он пребывал, пока приду, что тебе до того? Ты иди за Мною».

Иоанн написал, что слова Христовы положили начало слухам среди учеников, о том, что Иоанн не умрет. Однако он далее уточняет, что это было не совсем то, что сказал Господь – «но: если хочу, чтобы он пребыл...». И основной мыслью в этих словах было призвание Петра к следованию по пути Господа, вне зависимости от того, каким будет путь других. Весьма важный урок – вне сомнений – но не было ли вложено в эти слова чего-то большего, чем просто иллюстрации?

Я переосмыслил все произошедшее в то утро. Мое решение поделиться этой историей с женой и одним близким другом не было блестящим – их несерьезное отношение, сопровождавшееся изображением саундтрека из фильма *Промежуточная Зона*, и нежелание отнестись ко всему также трепетно как я, поколебали мою уверенность в том, что все это действительно произошло там именно так, как я это помнил. Однако, единственное, в чем я оставался тверд, так это то, что кто бы ни был тот человек, его слова поколебали основания того христианства, в котором я стоял.

Я никогда ни от кого не слышал таких речей о Боге. То, как он проповедовал, породило неуправляемый голод к познанию того Иисуса Христа, которого – по моему мнению – я знал. Он, однозначно, видел Христа не так, как меня тому учили, и его немудреная уверенность в том, что он говорил, подводила к вопросу – что именно я мог упустить? В течение нескольких последовавших недель я перечел все Евангелия вновь. Глядя сквозь проповедованное учение, я пытался увидеть человека стоявшего за ним. Я осознал: несмотря на тот факт, что я был христианином вот уже более двадцати лет, я и понятия не имел о том, каким человеком был Христос, и самое тяжелое то, что я не знал, как подойти к этой теме. Чем больше я на этом сосредотачивался, тем больше отчаивался. Я с головой ушел в служение, надеясь, что в нем смогу похоронить свой голод в разрешении вопросов, порожденных тем злосчастным утром.

По прошествии четырех с половиной месяцев со времени того удивительного дня, события развивались еще более невероятным образом. Описываемое утро я специально выделил, чтобы подготовиться к редкой возможности проповедовать на воскресных службах в церкви, но ряд непредвиденных обстоятельств не позволил мне даже прикоснуться к материалам. Во-первых, наш доброволец-технар, специалист в области звуковой техники, воспользовался возможностью улизнуть за город в грядущее воскресенье. Кем бы его заменить? Во-вторых, одна из семейных пар, якобы проходя мимо, решила заглянуть и пожаловаться на отсутствие гостеприимства в нашей церкви – они вот уже два года с нами, но никто не сподобился пригласить их в гости ни к обеду, ни даже на чашку кофе.

Затем позвонили Бен и Маша Хопкинс для того, чтобы сообщить мне, что они не придут на группу вечером. Третий раз подряд – не самый лучший пример заместителя лидера - моего заместителя, в конце концов. Я решил надавить на них, но они сказали, что вообще-то все это от недовольства церковью и, что они подумывают об уходе. Тут уж я попытался их отговорить. Сколько было в них вложено, знал только я – бесконечные часы натаскивания на то, чтобы вести домашнюю группу.... Уйти теперь – как можно? «Нашим детям нравится «молодежка» в другой церкви, которая ближе к нашему дому. Да и смущает то, что наша церковь становится все более обезличенной». Вот это да! Когда они впервые появились на пороге нашей церкви, их брак дышал на ладан! Я провел с ними бесконечность, пытаясь наладить их взаимоотношения. И вот теперь, когда пришла пора выйти на тропу отдачи, они вдруг решили, что в другом месте «пастбища позлачнее и воды потише».

Сверх всего, сразу же после обеда позвонил старший пастор и отменил встречу, которую он же сам попросил меня организовать для него с двумя нашими поручителями, у которых были некоторые замечания по нашей строительной программе. Видите ли, он просто не был настроен на разговор сегодня. Три недели я утрясал детали по этой встрече! Я был вне себя! На свежий воздух, иначе я за себя не ручаюсь!

Офисная дверь, хлопнувшая сильнее, чем я предполагал, выдала состояние моего духа всем окружающим сотрудникам. Я понял, что погорячился по испуганному взгляду секретарши и недоумению обернувшихся людей в рекреации. Как мог, я возмущенно отжестичулировал, что, мол, сквозняк. Обернувшись, я вдруг невольно остановил взгляд на родной до боли табличке: «Джейк Колсен, Первый помощник пастора»

Я и теперь помню день, когда я впервые вошел в эту дверь, приятно удивленный тому, что табличка уже была на месте, и охваченный благоговейным страхом перед той ответственностью, которая ложилась на мои плечи. Несмотря на то, что я никогда не планировал полностью посвятить себя служению, в день, когда я перешагнул порог этого офиса, я понял: вот и сбылись мои мечты. Четыре года спустя эти мечты все еще маячили как мираж.

По происхождению из рабочего класса, я, как водится, вырос в церкви. За исключением буйного подросткового периода, который пришелся на начало 70-х, я никогда не отрывался от своих духовных корней. Закончив колледж в 1979 году с дипломом в области ведения бизнеса, я управлял коммерческой структурой по недвижимости в Кингстоне, Калифорния - метрополии, неумолимо надвигавшейся на плодородные сельскохозяйственные владения Центральной Калифорнии. Экономика процветала в 80-х и начале 90-х, что позволило мне выстроить прибыльный бизнес и укрепиться в стабильно-положительной репутации.

Мы с женой помогли основать то собрание, которому я теперь служил. Пятнадцать лет назад пара семей и несколько студентов, разочарованных интригами и борьбой за власть в той традиционной церкви, которую они посещали, решили, что лучше начать что-нибудь свое. Некоторое время мы встречались по домам, бережно храня общение друг с другом, потом как-то скоро нам посчастливилось снять здание - его мы украсили табличкой с названием нашего собрания. Вначале рост церкви был медленным, но за последние 10 лет количество членов превысило 2000 человек; при этом, мы умудрились построить свое собственное здание и обеспечить церковь полным пасторатом.

Как же мне польстило, когда пастор пригласил меня на работу в церковь на должность специалиста по вопросам деловых отношений церкви и помощника по делам паствы. Мне было в то время 39 – абсолютно довольный жизнью отец двоих детей. Занятия в Воскресной школе, которые я вел, были наиболее популярны среди всех представленных в расписании, кроме того, завершался второй семестр моего участия в церковном совете.

Он убедил меня в том, как я был нужен. Это освободило бы его от массы дел, которые были выше его способностей. Понятное дело, что я зарабатывал гораздо больше на недвижимости, но я знал, что это просто деньги – маммона, как я слышал, называли этого идола в проповедях. Может, я прожигаяю свою жизнь в плотских удовольствиях? В чем смысл моей жизни? У меня редко бывало время задуматься о подобных вещах, которые, несмотря на это, были весьма важны. И я принял предложение, в надежде, что смогу успокоить надоедливое чувство вины.

И на время смог. Примерно два первых года я был польщен известностью в качестве сотрудника растущей церкви, у меня было достаточно времени на чтение Слова и молитвы. Вскоре, однако, груз навалившейся деятельности стал меня угнетать. Я не только работал целыми днями, но и был занят вечерами по пять, а то и шесть дней в неделю. Мои надежды на то, что я смогу дополнительно, играючи, подрабатывать на недвижимости и покрывать незначительные счета, оказались несостоятельными.

Когда напряжение нарастало, я частенько находил отдушину в длительных прогулках. Я говорил секретарше, что скоро буду, выходил из административного комплекса и направлялся к парку, находящемуся в двух кварталах от него. Этот парк частенько служил мне убежищем, а иногда - молитвенным местом, хотя, в невыносимо душные дни, которыми славится лето в Центральной равнине, я не был там частым гостем. Сегодня градусник показывал чуть выше 80 по Фаренгейту - явное свидетельство того, что лето неумолимо клонится к осени.

Завернув за угол, я с удивлением отметил, что парк был полон людей, но тут же вспомнил: жена что-то говорила о коротком дне для школьников, уже начавших учиться. В определенном разочаровании я шарил глазами, высматривая уголок потише, где я бы мог не надолго пристроиться. Вот тут то я его и заметил – фигуру, одиноко восседавшую на одной из многочисленных скамеек парка. Даже с порядочного расстояния было ясно, что он очень напоминает того незнакомца, которого я видел в Сан Луис Обиспо.

Сердце лихорадочно забилося. Я молился о том, чтобы Господь позволил мне поговорить с этим человеком, но по прошествии времени уже отчаялся в своих надеждах. Эта встреча всколыхнула невероятные воспоминания того утра и той духовной жажды, которую оно породило в моем сердце. Я был почти уверен - это был не он, но все-таки решил, что надо бы посмотреть поближе, раз уж так случилось.

Подходя ближе, я оценивал: рост примерно тот же, но трудно определить, поскольку он сидит; внешне похож и борода знакомая, но солнечные очки и бейсболка сбивали с толку. Со стороны выглядело так, что он просто осматривал окрестности, не обращая внимания на мое приближение.

Я не мог оторвать глаз от него, а сердце отбивало чечетку.

Что если это он?

Что делать? Я прошел мимо, он повернул голову в мою сторону и я тут же отвел взгляд. Нет, не может быть. Я не мог решиться, да и никаких соображений по поводу, что сказать у меня не было, как не было и возможности поразмыслить над этим моментально, поэтому, замешкавшись насколько это было прилично, я двинулся дальше по дорожке. Я прошел уже десять ярдов, когда осмелился приостановиться на мгновение и сделать вид, что осматриваю парк, и будто случайно оглянулся на этого человека, сидевшего на скамейке.

Невероятно похож.

Он стал поворачиваться в мою сторону, я отвернулся снова, почувствовав себя неловко. До конца не осознавая, что делаю, я двинулся снова прочь от него. В пятидесяти ярдах по ходу моего движения стояла пустая скамейка. Я продефилировал к ней и сел, имея прекрасную возможность просматривать весь свой путь от начала. А он вдруг встал и направился как раз в том направлении, откуда я пришел.

Ну, нет! Что ж делать? *Сейчас или никогда.*

Я сорвался с места и ринулся за ним, стараясь сократить расстояние шагами пошире. Наконец мы поравнялись. Теперь я мог либо его окликнуть, либо пронестись мимо. «Извините, пожалуйста!» - слова сорвались с губ самопроизвольно, еще до того, как я осознал, что говорю.

Он остановился и обернулся ко мне. «Да...» Одно короткое слово не дает правильной картины, но голос вроде бы похож.

«Может показаться странным, но вы напоминаете мне человека, которого мне довелось видеть несколько месяцев назад на побережье, в центре Сан Луис Обиспо. Вы не можете быть тем человеком?» Солнечные очки смотрели на меня, ничего не выражая. Как бы увидеть глаза, тогда бы я мог сказать точно.

«Вообще-то я был там несколько месяцев назад, но только несколько дней. Мы с вами встречались?»

«Нет. Но человек, похожий на вас был в центре города, во время интересно разыгранной сцены и говорил с людьми там на улице».

«Это мог быть и я», - он пожал плечами.

«То был спор о религии. И если вы именно тот человек - вы вступили в дебаты и говорили об Иисусе Христе и о том, как он любил. Не напоминает?»

«Такое возможно. Я постоянно говорю с людьми, особенно с теми, которых волнует духовное. Мог быть и я».

«Меня зовут Джейк Колсен», - я протянул руку для рукопожатия.

«Очень приятно Джейк. Я – Джон», - ответил он на рукопожатие. Я задохнулся – Иоанн, Джон – одно и то же. Последовавшие слова дались трудно, как после удара в живот. «Так вы тот самый человек, который тогда говорил с толпой? Это было в субботу утром. Вы меня помните?»

«Не могу припомнить вас, но, судя по обсуждавшейся теме, я мог быть частью произошедшего».

«Можно я немного задержу вас?», - я вскользь оценил, сколько свободного времени у меня было, судя по моим часам – 30 минут до намеченной встречи в офисе. Я повел рукой в сторону свободной скамейки недалеко от нас. «Буду рад». Мы прошли и присели – пауза. «Может показаться несколько странным, - наконец произнес я, - но я молился о том, чтобы встретить вас. Ваши слова меня тогда невероятно тронули. Вы говорили об Иисусе так, как если бы вы лично Его знали. В какой-то момент мне даже показалось, что вы – Апостол Иоанн».

Он засмеялся. «Надеюсь, я не выгляжу настолько старо, а?»

«Я знаю, что это прозвучит глупо, но, в тот момент, когда я об этом подумал, вы вдруг остановились в середине предложения, повернулись в мою сторону и кивнули, как бы соглашаясь с моей мыслью. Я пытался догнать вас, после того, как вы ушли от спорщиков, но потерял в толпе».

«Наверное, тогда это было ни к месту. Хорошо, теперь есть возможность. Так о чем вы хотели поговорить?»

«Ну, ... вы – он?»

«Кто – он?»

«Вы - Иоанн?»

«Апостол Иоанн, Христов ученик? - он улыбнулся, явно развеселенный таким измышлением – Ну вы знаете, что меня зовут Джон - или Иоанн, что, собственно, то же самое – и я считаю себя учеником Христовым».

«Нет, ну вы - Иоанн?»

«А почему это для вас так важно?»

«Если вы – он. У меня к вам есть вопросы».

«А если нет?»

Я не знал, что сказать. Его слова глубоко проникли в меня, кто бы он ни был. Он, похоже, знал об Иисусе то, что определенно ускользало от меня.

«Наверное, все равно есть».

«Почему?»

«Ваши слова тогда в Сан Луис Обиспо глубоко задели меня. Вы, как мне кажется, знаете Христа так, как мне и не снилось. Я штатный пастор большой церкви в этом городе – Собрание Городского Центра. Слыхали?»

«Нет, не думаю!»- он покачал головой.

Я слегка напрягся от такого ответа: однако – обидно. Как это – не слышал о нас? «Вы живете где-то здесь поблизости?»

«Нет. Сказать по правде - я в Кингстоне впервые».

«Да? А что привело вас к нам?»

«Может быть, ваши молитвы,- сказал он полусерьезно – Я честно, не знаю».

«Послушайте, Мне надо идти уже через пару минут. Мы не могли бы встретиться как-нибудь снова?»

«Не знаю. У меня нет такой свободы, чтобы обещать кому-либо что-либо. Если нам надлежит встретиться снова, у меня нет сомнений на этот счет. Встреча произойдет без всяких расписаний».

«Можно пригласить вас на ужин? Поговорим...»

«Нет, прошу прощения. На вечер у меня уже есть кое-какие планы. А в чем дело-то?»

С чего начать? Всего каких-то несчастных 20 минут до того, как сорваться и бежать в офис, и при всем том наверняка опоздать.

«Знаете, я в каком-то тупике. Похоже, что в последнее время все опустошены, даже христиане, которых я знал десятилетиями. Вчера я разговаривал с одним из наших старших служителей, который для меня всегда был духовной скалой. Джим как будто разочарован в последнее время. Он сказал мне, что даже часто думает, есть ли Бог или все это христианство - пустой дым».

«Ну и что вы ему ответили?»

«Я постарался поднять его дух. Сказал ему, что мы же не можем жить по осязанию, но только верую, что он так много сделал всего прекрасного для Бога, и это будет оценено в свое время. Надо только быть верными и не полагаться на чувства».

«Так на что, по-вашему, у него нет права: на такие чувства или на такие вопросы?»

«Я этого не говорил».

«В самом деле?»- вопрос был ненавязчивым и не обвиняющим.

Я прокрутил ситуацию опять, вспомнил, что сказал.

«Тут надо понять Джейк, что жизнь в Боге – реальность. Это не игра. Когда люди чувствуют, что что-то не так – знаешь, что я заметил по опыту? – что-то действительно не так».

«А я сказал – чепуха, не обращай внимания»,- мои слова были обращены больше к себе, чем к Джону. Я покачал головой, понимая все больше.

«Думаешь, ты ему помог?» Джон уже по-дружески перешел со мной на «ты». Я не возражал, мне это даже нравилось, но со своей стороны я еще не находил это возможным.

«Не знаю. Я постарался поддержать его как мог. Мне показалось, он воспрял немного».

Джон молчал, давая мне возможность поразмыслить.

«М-да, вы правы, я совсем ему не помог. Скорее, я его просто осудил».

«В следующий раз, когда у него возникнут подобные мысли, пойдет ли он на искреннюю беседу с Джейком?»

Я отрицательно покачал головой, сожалея в душе обо всем, что я наговорил Джимуэ этому утром. Надо позвонить и попытаться все исправить.

«А сам-то ты Джейк? У тебя как с этим?»

«.....с чем?»

«С твоей верой. Жизнь с Богом на такой высоте, на которой она тебя устраивает?»

«Время от времени я впадаю в расстройство на грани срыва, как, например, сегодня. Но в целом, я не представляю себе, чем бы я мог заниматься, если не тем, что я делаю теперь».

Джон даже не повернул головы.

«Ну, конечно, денег не хватает, свободного времени тоже.... Не так как раньше. Но это того стоит. Мы много делаем для нашего города».

Снова никакой реакции. Я не знал, что еще добавить, и не успел додумать, как вдруг слезы наполнили мне глаза, а дыхание стало прерывистым. Я внезапно ощутил свое отчаянное одиночество.

Наконец-то Джон повернулся в мою сторону. «Я не говорю о том, чем ты занимаешься. Наполняет ли тебя любовь Христова так, как в тот первый день, когда ты уверовал в него?» Слова расплылись по моим внутренностям, и я почувствовал, как моя душа тает, словно кусок масла на горячей сковороде.

«Н-н-нет!»- я, казалось, не мог выдавить из себя ни слова, голос срывался от недостатка дыхания. Когда, наконец, я это произнес, мое «нет» споткнулось о долгий глубокий вздох.

«Уже давно нет.... Похоже, чем больше я делаю для Бога, тем дальше он от меня оказывается».

«А может ты от него?»

«Что?»- кто бы он ни был, он точно видел все под другим углом зрения.

«Знаешь, почему ты так опустошен?»

«Я, Джон, об этом как-то и не думал. Я все время занят, Господь использует меня в жизни других людей. Для меня это единственно возможный жизненный путь. Я даже не позволяю себе лишний раз и задумываться над этим. Зачем расстраиваться? Я к тому, что есть столько всего, за что надо благодарить Бога: прекрасные дети, добротный дом, я – служитель Божий при всем том, что имею. Но вот тут почему-то тесно...», - я стукнул себя кулаком в грудь и глаза заблестели слезами еще более явно.

«Джим тебя озадачил, да?»

«М-м?» - я снова, во второй раз, был в замешательстве.

«Не исключено, что ты настолько же опустошен, как и он, но не желаешь чуть притормозить, чтобы признаться себе в этом. Я бы сказал, что твой ответ ему был на самом деле адресован тебе самому».

«Я бы никогда об этом и не подумал. Но тогда, когда он со мной говорил, я чувствовал себя неловко. Он задавал вопросы, на которые я не хотел отвечать».

«Знаешь, Джейк, что в центре всего этого? – Джон откинулся на скамейке, скрестил руки на груди и глянул вдаль на игровую площадку. – В центре всего этого – жизнь, настоящая Божия жизнь, наполняющая твою собственную. Жизнь Божья – это ведь не теологическая абстракция. Это полнота... свобода... радость и мир от пребывания в Нем, такой мир, который не перестает даже пред лицом самых тяжелых обстоятельств жизни. Эта жизнь была в Сыне, и он пришел разделить ее со всяким, кто доверится ему.

Дело не в усердных трудах, крупных служениях или новых помещениях. Дело в жизни, которую можно увидеть, попробовать и потрогать, которой можно наслаждаться каждым отмеренным тебе днем. Тут и словами адекватно не передашь, но ты то знаешь, о чем я говорю. Такое в жизни уже было, не правда ли?»

«Да. Да, было, но как-то это все слишком краткосрочно. Сначала так оно и было, как ты говоришь, но такое ощущение, что это было вечность назад. Что со мной не так? Как я могу, будучи христианином уже так долго, будучи при том таким активным церковным служителем, не иметь этого? Как я теряю связь с этой самой жизнью, это же не может быть намеренно».

«Я много раз видел, как это происходит. А сегодня – это вообще эпидемия. Неким образом наш духовный опыт смещает приоритеты и неглавное становится главным, а заканчивается все тем, что мы теряем из виду эту самую настоящую жизнь. Разве не происходило то же самое в ранней церкви? Вспомни, что написано о церкви в Ефесе.... И что говорит о них Христос в своем послании к ним в книге Откровения?

Их теология была безупречна. Они знали истину настолько хорошо, что могли заметить ошибку, как мошку в тарелке с супом, со ста шагов. Они не боялись противостоять тем,

кто выдвигался вперед в церковном служении, и если надо было – обличали их, определенно зная, кто тут говорит правду, а кто фабрикует подлог в корыстных целях, дабы сделать на этом имя. Их стойкость во времена гонений была непревзойденной за все времена существования христианства. Казалось, что страдания, чем дольше длились, тем больше закаляли их, и разве жаловались они на тех, кто подвергал их резким нападкам. Но вот странно, был ли Христос доволен ими?»

Я совсем недавно проповедовал по этому отрывку, поэтому знал, о чем говорил Джон. «Нет, он упрекал их за то, что они оставили свою первую любовь».

«Совершенно верно. Разве не удивительно? То, чего им не доставало, создало черную дыру, в которую всасывалось все достигаемое ими добро. Они оставили ту восхитительную любовь, которую имели к Господу вначале. И без нее их служение было бессмысленным. Можно так увлечься деятельностью ради Него, что легко потерять Его самого из виду. Их, дела - все без исключения - не имели в основании ни их любви к Нему, ни Его любви к ним. И поэтому все произведенное не только теряло смысл, но и несло в себе разрушительную силу».

«Это – я! Вы говорите обо мне»

«Это старая история, Джейк. Она повторялась миллион раз под таким же количеством названий. Ты помнишь тот день, когда любовь Христова охватила всю твою душу?»

Воспоминания поплыли перед глазами: «Да, я учился в средней школе, мне было двенадцать, а может тринадцать, я знал, что со мной что-то происходит. Мои родители были в другой комнате на собрании, где тридцать, а то и больше человек молились. Они находились там уже больше четырех часов, без всяких намеков на завершение. При всем том, это доставляло им удовольствие. Это повторялось каждую пятницу вечером. Они не могли дождаться назначенного времени, когда могли все собраться и молиться. Иногда там пели, бывало - смеялись, а то и плакали. Редкий вечер заканчивался раньше 11:00 ночи, чаще все затягивалось гораздо дольше.

Все это было новым для моих родителей, которые также как и я выросли в церкви. Мы – третье поколение баптистов по отцовской линии и пресвитерианцев - по материнской. Мои родители примкнули к Баптистской церкви, как активные члены, постоянно посещали службы и состояли во многих комитетах. Но я никогда не замечал, чтобы церковь доставляла им удовольствие. Были такие воскресные утра, когда нам даже удавалось отговорить их и не ходить.

А тут было что-то другое. Из той комнаты их невозможно было вытянуть даже на буксире. Из постных церковных христиан они превратились в таких, которых больше волновала их жизнь с Богом. И я видел, как Бог менял их. Старые привычки отшелушились, Божие присутствие было выше их нужд, чтение Библии было в почете при каждой возможности. Я помню, они молились о каждой мелочи. Была радость, свобода и живая вера в самом начале. Как нас это притягивало! Они молились и за нас, тогда то впервые я почувствовал прикосновение к жизни Божией. Я даже помню, как впервые услышал то, что называют Божьим откровением».

«И что было дальше?»

«Несколько лет все это приобретало силу, и они захотели приобщить остальную церковь. Но подозрительность оказалась выше, а обвинения сильнее. Когда, спустя несколько месяцев туман развеялся, стало ясно, что в церкви им никто не рад. Многие из той группы

отказались от членства в церкви, но их пыл от этого не угас. Все воспринималось ими как гонения.

Ну и уж раз в той церкви их никто не ждал, они решили основать свою собственную совместными усилиями. Первое собрание привело 80 человек, которые едва поместились в небольшом доме. Дух был поразительным. И они решили организовать, снять помещение и нанять пастора».

Удивительно, как я раньше этого не вспоминал! «А потом все тихо умерло. Вся деятельность ради Иисуса, которая их захлестнула, убила ту простую радость пребывания в Его любви».

«Поразительно, да? Облагораживание всего в форму, которую они принимали за церковь, смогло произвести то, что гонения не смогли. В попытке придать собранию ту конфигурацию, которую мир считает церковью, они потеряли из виду суть. Из всего существующего на свете наш Небесный Отец желает только одного: чтобы вы упали к нему в объятия, утонули в Его любви и провели в ней всю свою оставшуюся жизнь. Божий план, приносящий свободу, от сотворения до Дня второго пришествия состоит в том, чтобы привлечь людей к той любви, которую Отец, Сын и Дух Святой разделяют в вечности. Он желает ни больше, ни меньше и ничего кроме этого!

Это не отдаленный Бог, который послал Сына Своего со списком законов по соблюдению ритуалов и правил. Его приход был приглашением к тому, чтобы разделить Его любовь и к общению с Отцом, которое описывается им как дружба. А мы? Нас мгновенно поглощает деятельная религиозная культура, бесследно пожирающая эту Любовь,... которую она думает, что имеет.

В Ефесе – охота за лжеучителями, в Галатии – привлечение всех к соблюдению ветхозаветных ритуалов. Сегодня - давайте сделаем так, чтобы все участвовали в церковных программах! Неважно, что уводит людей от Божией жизни, достаточно, чтобы этого было сполна, дабы выглядеть равноценной заменой. Естественно, выявить несоответствующих легче, когда стандарт четко определен – например, обрезание, как в Галатии, сложнее, когда рамки смыты, пример - обязательное посещение воскресной службы, как в Кингстоне. Но говорю тебе, что результат и в одном и в другом случае один и тот же – паства, пораженная скукой и недоверием, более не стремящаяся объять жизнь, данную от Отца».

Я не знал, что сказать. Сомнения мешали понять, был ли я с ним согласен. Как можно ставить на одну планку весов посещение службы и обрезание?

«Ответь мне на один вопрос, Джейк. Сколько потолочных плиток в вашем зале для собрания?»

Что тут думать? «312 полных и 98 половинок».

«Как ты узнал?»

«Пересчитываю, когда мне скучно»

«Похоже, что скучно тебе частенько. И не тебе одному. Знаешь сколько таких? Я как-то беседовал с одним товарищем, который не поленился «счесть» все номера гимнов прославления на обложке сборника из любопытства, не сойдется ли ббб. Как-то не верится, чтобы люди, разделяющие жизнь Божию, не находили ничего лучшего, чем

практиковаться в таких «славных» занятиях. Нестораживает ли этот факт, как нездоровый симптом?»

М-да, пожалуй, он прав.

«Не помнишь, какая мысль пришла тебе в голову как раз перед тем, как войти в церковь в прошлое воскресенье?»

Тут надо подумать. «Я прокручивал свои записи, пытался найти ассоциативную иллюстрацию, которую не успел придумать».

«Понятно, а что ты себе подумал, когда припарковал машину возле церкви?»

Мгновение порывшись в памяти, я вспомнил: «Что я буду рад, если все это поскорее закончится и я смогу вернуться домой». Я повеселился над своими мыслями. «А как вы угадали?»

«Я и не угадывал, но меня это не удивляет. Ты и не подозреваешь, сколько людей думают также, даже те, которым платят за работу, как тебе. Рутинная обескровливает их жизнь, неважно насколько она у них полнокровна».

«Значит, разочарование Джима на самом деле хороший симптом?» - спросил я недоверчиво.

«Так же, как и твое. Когда ты вдруг осознаешь, что рутинная, о которую ты постоянно претыкаешься, совершенно не подвигает тебя на лучшее познание Бога, начинает происходить невероятное. Прокручивание одних и тех же программ неделю за неделей истощает. Ты разве не устал год за годом впадать в те же самые искушения, молиться одними и теми же молитвами без ответа и не наблюдать никаких свидетельств тому, что более четко слышишь глас Божий?»

«Устал», - я и сам был удивлен как тому, с какой резвостью ответ сорвался у меня с губ, так и тому, какое отчаяние последовало за ним. «Так почему мы этому не противимся?»

«Ответ на этот вопрос, Джейк, раскроет тебе истину скорее о тебе самом, чем о церкви. А сейчас не лги себе о степени твоей апатии и разочарованности. Наш Отец никогда не оставлял своего стремления обрести вновь те особенные отношения с тобой, которые вы имели когда тебе было не более, чем тринадцать лет».

«Бывало и после».

«Бывало, но длилось недолго, так? Если бы не так, ты бы и не подумал утаивать состояние таких как Джим и подпитывать его душу утешительными, но пустыми банальными фразами. Таких людей как он нельзя утихомиривать, словно маловерных. Им нужно аплодировать за то, что они отважились относиться к своей духовной жизни, как к реальности. Если откровенно, то честность Джима демонстрирует больше веры, чем твое затруднение в этом вопросе».

«Что же мне делать, Джон? Я хочу обладать той жизнью, о которой вы говорите».

«Многих жертв тут не надо. Просто будь самим собой перед Отцом и противостой искушению вернуться обратно в свою скорлупу и безмолвно сносить пустое существование. Твое противостояние произрастает из того зова, который твой дух слышит от Духа Божия. Проси его простить тебя за то, что в твоей жизни многое стояло на пьедестале вместо его любви, проси его показать, как так возможно, что упорные попытки делать добрые дела во имя его, затеяют Его любовь к тебе. Остальное предоставь Его воле. Он сам приблизит тебя к себе».

Я взглянул на часы, понял, что надо бежать. «Прошу прощения. Мне пора. Извините, что задержал.... Но я буду пробовать!»

«Правильно. Разве это не радость - просыпаться каждый день в любви Божьей, не пытаюсь ее заслужить никакими праведными деяниями со своей стороны? Это и есть секрет первой любви. Не пытайтесь заслужить ее. Надо знать, что вы приняты и любимы не за то, что вы можете сделать для Бога, а за то, что он избрал вас во Христе по своей неизмеримой милости».

Я встал, чтобы идти и схватил Джона за руку. Он пожал мою и задержал ее на минуту. «Это не трудно, Джейк. В Его царствии точно получаешь то, чего ищешь. И все! Если ты ищешь отношений с Богом, ты найдешь их».

«Так почему их нет? Я то думал, что именно к этому все время и стремился».

«Поначалу может быть, так и было. Но события разворачиваются не всегда в одну сторону. Только тогда, когда оценишь то, что имеешь, понимаешь, к чему стремился!» Он отпустил мою руку.

Его слова прозвучали на необратимо завершающей ноте, мне уже давно надо было возвращаться в офис, чтобы успеть на встречу, - и я просто кивнул. Я тогда так и не понял, что он имел в виду.

«Надеюсь, как-нибудь еще увидимся».

«Думаю, конечно, ... в свое время».

Я поблагодарил его еще раз, помахал на прощание и, уже точно опаздывая, почти побежал по парковым дорожкам на свою встречу. Что меня всегда удивляет, так это то, что самые значимые дороги в нашей жизни начинаются так просто.... Даже не придаешь всему происходящему значения до тех пор, пока не оглядываешься назад!